

Мохов Виктор Павлович

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Статья посвящена теоретическому анализу концепта "повседневность" применительно к советской номенклатуре; выделена специфика номенклатурной повседневности, высказаны суждения о взаимосвязи повседневности, политических формальных и неформальных практик, институционального порядка общества; тезис о сложной структуре номенклатурной повседневности, основанной на множественности и иерархичности субкультур повседневности, а также об индустриальном характере повседневности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 124-127. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

13. Фраккароли А. Гаэтано Доницетти [Электронный ресурс]. URL: http://www.classic-music.ru/books_donizetti_06.html (дата обращения: 30.08.2013).
14. Фраккароли А. Россини. Письма Россини, воспоминания. М.: Правда, 1990. 544 с.
15. Хохловкина А. А. Западноевропейская опера. Конец XVIII – первая половина XIX века. Очерки. М.: Музгиз, 1962. 368 с.
16. Щербинкина Н. Л. Бельканто в творчестве Россини, Беллини и Доницетти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 203-207.

**INTERACTION OF OPERA AND ORATORIO PRINCIPLES
IN “MOSES” BY J. ROSSINI AND “NEBUCHADNEZZAR” BY G. VERDI**

Mikhailova Olesya Sergeevna

*Rostov State Conservatory (Academy) named after S. V. Rachmaninoff
argentum-ol@mail.ru*

The article is devoted to the questions of genre synthesis in the Italian opera of the first half of the XIXth century based on the biblical plot. The author analyzes the principles of genre interaction between opera and spiritual oratorio, reveals the origins of this phenomenon, the history of its existence in the West-European music, and the role of Holy Scriptures plots embodiment. The material for the study is based on the operas “Moses in Egypt” by J. Rossini and “Nebuchadnezzar” by G. Verdi. According to the analysis of different levels of the works architectonics the conclusions about the dominance of oratorio component in the performance of the Old Testament conceptions are made.

Key words and phrases: Holy Scriptures; opera; spiritual oratorio; J. Rossini; G. Verdi; opera-oratorio; genre interaction.

УДК 316.344.42

Социологические науки

Статья посвящена теоретическому анализу концепта «повседневность» применительно к советской номенклатуре; выделена специфика номенклатурной повседневности, высказаны суждения о взаимосвязи повседневности, политических формальных и неформальных практик, институционального порядка общества; тезис о сложной структуре номенклатурной повседневности, основанной на множественности и иерархичности субкультур повседневности, а также об индустриальном характере повседневности.

Ключевые слова и фразы: советская номенклатура; повседневность; политические институты; политические процессы; политические практики.

Мохов Виктор Павлович, д.и.н., профессор

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет
mvp@perm.ru*

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ©

Изучение эволюции советской номенклатуры ставит перед исследователем проблему о соотношении социальных институтов, политических практик и повседневности: что в первую очередь определяло деятельность номенклатурного человека? Устоявшиеся институты, структурировавшие каждый его шаг, или сложившиеся в рамках институтов формальные и неформальные практики, регулировавшие повседневное отправление формальных норм и институциональных отношений? Как отмечали И. Т. Касавин и С. П. Щавелев, повседневность противостоит публичному, официальному, институционализированному [5, с. 17].

Подход к решению этой проблемы может дать изучение повседневности номенклатуры. В данном случае мы исходим из определения Б. Вальденфельса повседневности как способа жизни, а обыденной жизни как сферы жизни. Повседневность как способ жизни для советской номенклатуры означает опривычивание («огрубление») формальных норм, институциональных правил под уровень развития самой номенклатуры как социальной группы.

Повседневная жизнь, состоящая из миллионов практик отдельных людей, микроколлективов, общностей людей, относительно автономна по отношению к государству и его институтам. Относительная автономность повседневности по отношению к власти, официальным институтам можно понимать двояко. Во-первых, как способность отдельных индивидов, групп, социальных общностей жить по своим внутренним правилам, нарушая свой естественный ритм и образ жизни лишь при ключевых, хронологически или ситуативно определенных взаимодействиях с властью. Во-вторых, как выстраивание неформальных социальных практик наряду с официальными институтами или вопреки официальным институтам.

Можно сказать, что повседневность – территория структурирующего хаоса, в котором рождаются новые правила, не предусмотренные существующим институциональным порядком. Люди, приспособив свое ежедневное существование к реальностям общественного порядка, создают нечто новое, отличное от декларируемых установлений. Как утверждал Б. Вальденфельс «Повседневность существует как *место образования смысла, открытия правил*. Когда именно новое и оригинальное более не улавливается интегративным общим порядком или регулятивным основополагающим принципом, тогда оно принимает форму отклонения» (см.: [3]). В. В. Василькова, описывая становление порядка из хаоса, отмечает, что «...хаос разноразправленных свободных волей (случайность) на микроуровне порождает порядок, генеральную согласованность исторической закономерности на макроуровне» [4, с. 209].

Сила повседневности – в силе десятков и сотен миллионов взаимодействий людей, в процессе которых рождаются новые отношения, которые до поры до времени скрываются в толще институционального порядка. Эти взаимодействия, рутинизируясь, обретают силу неформальных практик, обычаев, которые постепенно взламывают внешние границы, разрушают привычные институты. Внешняя среда по отношению к повседневности в данном случае либо выступает регулятором наиболее опасных для системы практик повседневности, которые могут перестроить институциональную жизнь людей, либо подчиняется естественному («органичному») ходу событий, трансформируя социальную систему. В любом случае, повседневность служит полигоном новых практик, постепенно рождающихся на протяжении жизни поколений и закрепляющихся в сознании, поведении, а затем и в политических ожиданиях. В критических ситуациях эти ожидания превращаются в действие, ломающее институциональный порядок. Политические революции, перевороты нередко одной из своих целей имеют легализацию тех отношений, которые вызревали в недрах повседневности.

Повседневность как «способ жизни» постоянно находится в латентном (в основном) или открытом конфликте с официальными политическими и идеологическими нормами, поскольку последние есть воплощенная в законах, правилах, инструкциях, теоретических схемах воля правящих групп господствующей силы общества. В силу естественной социальной узости представлений данных групп, а также наличия собственных групповых интересов возникающие политические, экономические и др. нормы с самого начала своего существования вступают в противоречие (большее или меньшее) с повседневностью значительной части населения. Население, дифференцированное по социальным группам, в рамках становящегося институционального порядка «подстраивается» под новые нормы, формируя свою групповую повседневность. Она двойственная: с одной стороны, несет в себе типовые черты институционального порядка, с другой стороны, обладает социальной идентичностью. Для каждой социальной группы (профессиональной, демографической, национальной, религиозной и др.) создается своя групповая повседневность, которая лишь в определенном приближении соответствует социальному стандарту.

Поэтому повседневность, особенно – больших социальных групп, всегда внутренне противоречива: богатство повседневных отношений, в которые вступает каждый человек, должно быть втиснуто в рамки институтов. В связи с этим хотели бы не согласиться с П. А. Амбаровым, которая полагает, что повседневный опыт не противоречив [1, с. 196]. Наоборот, процессы, происходящие в обыденной жизни, выступают как жучки-древоточцы институтов. В обыденной жизни противоречие между институтами и повседневностью проявляется в троякостности сознания и поведения как отдельных людей, так и социальных групп, которая определяет одну из доминирующих моделей поведения («для себя», «для нас» и «для них»). Распространенность этих моделей повседневного поведения зависит от силы и прочности институциональных порядков, от внутригрупповой сплоченности, от степени интеграции личности в группы и институты.

В конечном счете, через повседневность обеспечивается существование человека «здесь и сейчас» в любых социально-экономических и политических условиях; повседневность «...постоянно становится, движется все дальше и не терпит перерыва. Как правило, она не прерывается полностью даже необычными событиями, а лишь настойчиво требует их рутинобразного учета» [7, с. 12]. Как отметил В. Л. Афанасьевский, анализируя взгляды западных исследователей на повседневность, «...главными функциями повседневности являются сохранение, выживание, воспроизводство человека и общества, что и делает ее социогенетическим процессом цивилизации» [2, с. 19].

Повседневность адаптирует социальный порядок к наличной ресурсной базе; система коммуникаций и отношений, возникающих по поводу использования ресурсной базы, задает параметры повседневности, в том числе статусный порядок, ранжирование потребления и др. В этом контексте повседневность может рассматриваться как основа устойчивости индивида и социальных групп, реализуемая через динамичное воспроизводство традиционных массовых форм межличностного взаимодействия по поводу материальных и социальных ресурсов.

Однако среди множества повседневностей в советском обществе нужно выделить повседневность номенклатурную как повседневность господствующей силы в обществе. По нашему мнению, основой номенклатурной повседневности была политическая повседневность, т.е. хабиитуализированные политические практики (см.: [6]).

Номенклатурная повседневность обладала рядом специфических признаков, которые определяли ее место в обществе и в мире повседневности общества.

Во-первых, спецификой номенклатурной повседневности было переплетение политического и повседневного. Чем выше был статус номенклатурного работника, тем более эти два феномена сближались, однако никогда полностью не сливались. Массовое включение политических практик в повседневность было предопределено властным характером деятельности номенклатуры, когда все элементы жизни, в том числе быт,

семейные отношения, личные пристрастия, хобби, индивидуальные черты личности работника имели (или могли иметь) политическое значение или значение для результатов политической деятельности, карьеры человека, самого существования во власти. Но именно эта ситуация с неизбежностью породила феномен политической раздвоенности, которая, с точки зрения Ю. А. Пустовойта, есть «...расхождение между публичным и непубличным поведением (и связанным с ним комплексом установок – габитусом) лиц, включенных в политическое взаимодействие» [8, с. 153]. Поэтому для номенклатуры расхождение между должным и действительным стало одной из фундаментальных проблем на протяжении почти всей советской истории.

Во-вторых, номенклатурная повседневность обладала силой социального стандарта: околономенклатурные и неноменклатурные слои общества нередко воспринимали обыденную жизнь номенклатуры как образец существования, пытаясь перенимать те практики обыденной жизни, которые формально приближали бы их по внешним признакам к высокостатусным группам.

В-третьих, номенклатурная повседневность была полигоном новых социальных практик, которые через обыденную жизнь номенклатуры взрывали ее внешнюю формальную оболочку, вызывая в обществе критическое восприятие властной силы. Именно обыденность, воспроизводящаяся и закрепляющаяся в повседневных практиках, нередко была спусковым механизмом массового социального недовольства. Хорошо известны примеры массового недовольства населением особыми условиями снабжения номенклатурных работников, существующими социальными привилегиями. В период перестройки различия между официальными нормами «профессиональных революционеров», как иногда называли себя по старинке номенклатурные работники, и повседневными практиками послужили одной из основ антиноменклатурного движения.

В-четвертых, номенклатурная повседневность служила для власти критерием адаптации номенклатурного работника к существующим политическим институтам. Организация личной повседневности по канонам, декларируемым обществу, была мерилем и для власти, свидетельствующим о готовности номенклатурного работника действовать по правилам, и для масс, воспринимающим данный факт как институциональное соответствие.

В-пятых, номенклатурная повседневность существовала как иерархическая, субгрупповая, имеющая территориальные и отраслевые особенности. Это следует из того факта, что политическая повседневность – это социально обусловленная действительность, основанная на неравном распределении ресурсов, в том числе властных.

Номенклатурная повседневность основана на обилии субкультур повседневности, что связано со сложной структурой самой номенклатуры (партийные работники, советские руководители, хозяйственные руководители, председатели колхозов и совхозов, военные, дипломатические работники, руководители комсомольских и профсоюзных органов и др.). Для каждой из субгрупп номенклатуры существовал свой норматив материальных и социальных благ, свой стиль поведения, роль в организации и осуществлении власти.

В рамках номенклатуры можно вести речь об иерархических и территориальных различиях в организации обыденной жизни номенклатуры. Иерархические различия определялись ролью номенклатурной группы в редистрибуции ресурсов, в возможности формировать нормы деятельности и обыденного поведения, в степени закрытости группы от контроля общества и других номенклатурных групп.

Территориальные различия в номенклатурной повседневности определялись в первую очередь традициями, характерными для данного региона, существующими социальными практиками, отчасти – структурой экономики. Так, различия в повседневности номенклатуры сельских районов и крупных индустриальных центров очевидны, между партийными работниками и номенклатурными хозяйственниками существовали вполне естественные различия в организации обыденной жизни.

Номенклатурная повседневность как политическая в своей основе в советском обществе носила двойственный характер. С одной стороны, она проявляла себя в формах обыденного существования представителей номенклатуры в мире политического. Это означало перенесение обыденности на мир политического, т.е. упрощение, приспособление к уровню развития человека тех норм, которые провозглашались официально. С другой стороны, номенклатурная повседневность есть форма проявления властных отношений на уровне обыденного человеческого существования.

Содержательно номенклатурная повседневность проявляет себя как обыденное существование социальных субгрупп номенклатуры в виде их повседневных формальных и неформальных политических и бытовых практик.

Как процесс политическая повседневность есть, с одной стороны, процесс адаптации, встраивания человека в мир политического. От способности конкретных представителей номенклатуры освоить нормы политического поведения, провести их через все формы своего жизненного мира, реализовать в первую очередь свой политический потенциал в каждом проявлении жизни зависела их карьера. С другой стороны, политическая повседневность как процесс есть совокупность политических действий индивидов, направленных на реализацию институциональных норм. Вполне естественно, что реализация этих норм отличается от предписанного в силу огромного количества причин: корыстный умысел, незнание, стечение обстоятельств, влияние других сил и др. Чем более повседневность соответствует институциональному порядку, тем органичнее выглядит общество, тем с большей уверенностью можно вести речь об укорененности базовых социальных институтов.

Номенклатурная повседневность – это повседневность господствующей силы индустриального общества. А это означает, что повседневность структурируется институтами индустриального общества, она приобретает черты массовости, однотипности, стандартизации. В качестве средств регулирования повседневности выступают идеологии, которые предписывают желаемый образ жизни, межчеловеческого взаимодействия; СМИ, формирующие и распространяющие стандарты поведения, моду, организацию быта и др.

Повседневность номенклатуры проявляется через ритуализированные формы властного поведения, она начинается с формального осуществления формальных норм, в результате которого утрачивается содержательная сторона институционального порядка. Чем слабее сопротивление институтов новациям, рождаемым в повседневности, тем прочнее «случайные» отклонения от предписанного поведения обретают силу сперва устойчивых неформальных отношений, а затем формализуются и легализуются благодаря действию осознаваемых социальных интересов.

Диалектика взаимодействия институтов и повседневности заключается в том, что часть формальных норм становится естественной, «неформальной» на бытовом уровне, в обыденном сознании, а неформальные отношения, возникающие в процессе реализации формальных практик, превращаются в формальные, принимаемые в номенклатурном сообществе как вполне естественные, правильные, целесообразные. Возвращение к институциональным (формальным) практикам происходило лишь при возникновении системных рассогласований, в период серьезного конфликта интересов.

Советская номенклатура создала систему управления массовой повседневностью через набор социальных программ, агитацию норм межчеловеческих отношений в социалистическом обществе, развитие политических начал на обыденном уровне.

Для самой номенклатуры существовал свой внутренний набор правил, регулирующий повседневность. В него входили как политические установки, так и общечеловеческие нормативы поведения. Однако определяющими являлись политические установки, такие как «партийная скромность», «товарищеские отношения с коллегами», «принципиальность» и др. Те отклонения от общепринятых норм номенклатурного поведения, которые постоянно возникали, всегда подавались обществу (если это становилось известным), как отклонение от норм коммунистической морали, как исключение из правил. Поэтому представители номенклатуры каждую «вольность» в отношении общепринятых норм скрывали, выводили из сферы публичного обсуждения. Возможность расширения легально дозволенного в обыденной жизни у номенклатуры возникла лишь по мере повышения уровня жизни населения в целом.

Список литературы

1. **Амбарова П. А.** Межкультурные коммуникации в ситуациях повседневности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 85. № 6-1. С. 195-199.
2. **Афанасьевский В. Л.** Тема повседневности как основа современной социологии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 10 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 17-20.
3. **Вальденфельс Б.** Повседневность как плавающий тигль рациональности [Электронный ресурс]. URL: http://sociologist.nm.ru/articles/vandelfels_01.htm (дата обращения: 20.09.2013).
4. **Василькова В. В.** Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999.
5. **Касавин И. Т., Щавелев С. П.** Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.
6. **Мохов В. П.** Политическая повседневность номенклатуры как научная проблема // Повседневность номенклатуры: сб. ст. / под ред. В. П. Мохова и Н. А. Фролова. Пермь: ПНИПУ, 2013. С. 4-17.
7. **Орлов И. Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
8. **Пустовойт Ю. А.** Феномен политической раздвоенности: публичные и потаенные ритуалы политического взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 152-156.

DAILY ROUTINE OF SOVIET HIGH-RANKING FUNCTIONARIES

Mokhov Viktor Pavlovich, Doctor in History, Professor
Perm National Research Polytechnic University
mvp@perm.ru

The article is devoted to the theoretical analysis of the concept “daily routine” in relation to the soviet high-ranking functionaries; the specifics of high-ranking functionaries’ daily routine is revealed, the opinions on the interrelation of daily routine, political formal and informal practices, the institutional order of society and the thesis on the complex structure of high-ranking functionaries’ daily routine, based on the multiplicity and hierarchy of daily routine sub-cultures, and also the industrial character of daily routine are expressed.

Key words and phrases: soviet high-ranking functionaries; daily routine; political institutions; political processes; political practices.